

Маленький, относительно спокойный городок Мотта Абатем, канун Дня независимости. Зарево направился на крутое побережье солёной реки, чтобы встретиться там со своим другом. Посреди лета солнце жарило беспощадно — фелин сегодня без футболки, позволяя солоноватому тёплому ветру трепать его темную шерсть. Мокрая голова того самого друга, Коула, который на тот момент был в покрытом чешуей облике, торчала из воды. Кажется, он что-то держал и плыл на противоположный берег. Зрачки Зарево засветились, голубое свечение окрасило его ноги от бёдер до пальцев ног. В следующее мгновение он мчался по воздуху над рекой, оставляя позади себя голубоватый след, который испарялся, подобно пролитой на раскалённый камень воде. Зарево владеет магией движения с детства — это было первое направление магии, которое он осваивал с мамой. Вскоре он уже заходил на посадку. Ветер, подобранный телекинетическим полем, поднял облако летучего песка, как только фелин приземлился. Он живо оглянулся вокруг — и вот Коул поднимался по покатоному пляжу.

— А ты что тут делаешь? — спросил чешуйчатый, сверкая багровыми зрачками.

— А я тут за тобой, — ответил Зарево.

— Опять суету наводишь? Ты весь в песке.

— Да нет! Просто приземлился, а дальше так просто получилось. Ты не видел?

Коул просто покачал головой.

— Есть у тебя планы на сегодня?

В ответ последовало то же самое.

— Слу-у-ушай... Ты, случаем, никогда не выполнял заказы с площади?

— Было пару раз, — ответил Коул спустя короткую паузу. — А что? Хочешь рискнуть жизнью ради денег?

— Да что может случиться! — Зарево развёл руками. — Одно дело мы, совсем другое

— какие-то бандюганы, которые не умеют нормально грабить. Пошли, посмотрим?

— Ну ты даёшь.

Спустя несколько минут ходьбы и разговоров ни о чём два авантюриста уже разглядывали объявления на доске посреди центральной площади. За стендом в десятке-другом метров стоял фонтан, вода в котором изгибалась в причудливых дугах, а позади них двоих была самая известная благодаря своему расположению таверна. На доске их внимание привлекло такое объявление:

ТРЕБУЕТСЯ ДОБРОВОЛЕЦ

Ведьмак из Ордена мешает местному бизнесу на рыночной улице. СРОЧНО приходите к лавке ремесленных принадлежностей. Всё объясню.

Они переглянулись.

Тау шёл вниз по склону, проверяя целостность своих металлических суставов. Он чуть было не лишился конечностей от простой оплошности... В здешних окрестностях столб дыма скорее всего принадлежит лагерю Орденцев, чем нуждающемуся в помощи выживателю. Подходя к источнику дыма, он заметил полуголого человека перед костром, но на его вопрос - "всё в порядке?" - он услышал: "Что... Это эфемера,

парни, это эфемера, вылезайте, быстро!”. Тогда чужая сила обездвижила его; полуголый мужчина в одних штанах уже был лицом к голему, держа одну руку перед собой; ладонь его сочилась маной, нити переливами тянулись к его конечностям. В одно мгновение эта чужая сила четвертовала его, обнажая чернильный полужидкий туман, что был под магистальной кожурой. Перед глазом его возник циферблат, мужик закричал: “он хрономант, пацаны, он хрономант, мы покойники!”, стрелки обратились вспять, металлические конечности, вопреки телекинетическому удержанию, воссоединились, и голем пропал между деревьев там, откуда взялся. Они могли бы забрать его призму, усиливающую его магию, если бы он не поторопился. К счастью, голова - его самое безопасное место для её хранения.

“Итак, зачем я здесь?” - подумал Тау, скользя по покато́й поверхности и спотыкаясь о корешки. “Ах да, потерянный родственник. И как мне его найти?” Голем вызвался найти потерявшегося человека; ему известно только то, что он, вероятно, в пределах этого леса либо в полях, примыкающих к его границам. Возможно, разыскиваемый - маг; тогда его можно было бы определить по следу Мерцания. Не все умеют видеть ману в её пассивном состоянии, но зрение Тау значительно отличается от человеческого или животного в целом.

Магическое поле голема значительно расширилось: он старается как можно больше увеличить радиус своего зрения, ища любые следы маны. В поле зрения появились тусклые точки, явно не совпадающие по своей эссенции с маной, хранящейся в теле мага. Эти точки были очевидно стихийными, что заставляло предположить, что это природные артефакты. Уточнение природности, конечно, не так уж и важно, поскольку практически все артефакты имеют природное происхождение. В этом случае это скорее означает, что эти артефакты до сих пор нетронуты. По тусклости следует предположить, что они и не обладают достойным внимания потенциалом. Вскоре в поле зрения попались мутные следы маны. Оно было похоже на облако и уже сворачивалось. Тау набрал темп шага, следуя за остатками стычки.

— Иди давай.

— Да что сразу я-то? Ты первый!

— Господи, какая разница?

— Ну и иди тогда, раз нет!

После нескольких секунд шушукания и пиханий решилось, что Коул зайдёт в магазинчик первым. Рыжий потянул дверь, и двое оказались в помещении, пропахнувшем помимо чего-то горелого древесной пылью, лаком и металлами. В целом, внутри было уютно, несмотря на то, что весь интерьер состоял из стеллажей и полок, на которых почти сортированы приспособления для всего подряд, а также повсюду, в основном ближе к выходу, были следы горения, где-то были полуобугленные пятна, но большинство из них поблёскивали влагой. Пока Зарево осматривал кузнечные щипцы с регулируемым зажимом, Коул подошёл к стойке, за которой на чём-то вроде кресла сидел в почти полулежащем положении пожилой зверолод, смахивавший на енота.

— Мы видели объявление на площади, что тебе нужна помощь с каким-то Ор...

— Да-да, — перебил его владелец лавки, приподнявшись в своём кресле и сложив лапы в замок. — Как видишь, тут он уже пару раз побывал. Буйный тип прибегает к

магии с любого пустяка и вечно всё портит, спугивает клиентов. Такое же наблюдается и в нескольких других магазинах на этой улице. Честно, понятия не имею, что он такого нашёл именно в моей лавке, ведь тут из дорогого...

— Скажи, а сколько эти щипцы будут? — Зарево высунулся из-за полки, демонстрируя те самые кузнечные щипцы.

— Шестьдесят серебряных, — невозмутимо отозвался енот. Глаза бедного Зарево выпучились так, что зрачки стянулись в полоски.

— Э-э-э, я на шестьдесят серебряных кушаю полсезона! — Возмутился он.

— То-то и видно по твоему росту и худощавости, — всё так же невозмутимо отвечал торговец. Реакцию котчеловека стоило видеть своими глазами. Он-то вовсе думал, что скорее пухловат, особенно в бёдрах, и задумывался над диетой. Однако ради деэскалации он вздохнул и убрал щипцы обратно на место.

— В самом деле, почему шестьдесят? В них металла и труда, наверное, под тридцать, — вступился за друга Коул.

— Мне бизнес надо поддерживать, — объяснил енот, — посмотри на это безобразие, отремонтировать-то со своего счёта придётся.

— И неужто покупают? — Коул упёр руку в бок.

— Конечно покупают! Я, по-твоему, похож на банкрота?

Вдруг где-то снаружи раздался гулкий хлопок, сопровождаемый задрожавшими окнами и товарами на полках. Первым вздрогнул Зарево, опоздав на пару миллисекунд и Коул, а енот лишь повернул уши.

— Что это? — вполголоса спросил кот.

— Наверное, он, — ответил владелец ларька, — поторопитесь, если надеетесь поймать его.

Выскочив наружу, двое услышали со стороны параллельной улицы испуганные возгласы и суету. Зарево, загоревшись зрачками, схватил друга за жилетку, и, словно на катапульте, их обоих перекинуло через здание. Нарушитель был пойман с поличным: высокий лысый качок с обожжёнными руками, голый по пояс и в одутловатых штанах, завёрнутых по колено, вымогал у прохожего сумку. Коула охватила веретенообразная спираль пламени, обращая его из человека снова в гуманоидно-ящерообразного монстра. Это привлекло внимание орденца, и тот явно не был настроен радушно.

— Ну и чё ты мне сделаешь, черноглазик? — тот вскинул подбородок, хрустя кулаками. Прохожий с обуглившейся одеждой, пользуясь ситуацией, направился восвояси, перед этим второпях откланявшись перед своими спасителями. — Не учат вас, наглых плебеев, не лезть не в своё дело.

— Мы и не лезем, — ответил Коул. — Мы тут по подработке. Ты в курсе, что людям платят, чтобы тебя отмутузить?

Лысый посмеялся, самоуверенно шагая к черноглазому.

— А ты не много из себя строишь, сопля? Если передумаешь и извинишься на коленях, я подумаю над тем, чтобы не ломать тебе косточки.

— Мне и кланяться не придётся, — шагнул вперёд Коул, почти упираясь в лоб бандиту, — ты на мне и синяка не оставишь, лошок.

— Напрашиваешься, да? — орденец надавил лбом на лоб Коула.

Реакцию ждать не пришлось. Движение было настолько быстрым, что глазами уследить было невозможно. Звук удара был больше похож на взрыв; орденец отлетел в сторону, вмазавшись в случайную тележку в пяти метрах и лишив ту колеса. Коул посмотрел на свой кулак, который был покрыт следом мгновенно запёкшейся от

кинетической энергии крови. Орденец обмяк, а через несколько секунд завыл, как собака, хватаясь за лицо. Свалившись на землю и покатавшись, он поднялся, медленно убрав руки с лица. Левую сторону его лица украшал свежий ожог и торчащая кость скулы, вернее, целая её часть. Крови было мало; обожжённая плоть будто спеклась, слилась в одну амальгаму, частично смешанную с фрагментами кости. Левая половина его лица больше не была похожа на человеческую и являла собой мерзко расквашенную вмятину. Очевидно, что говорить он больше не сможет, поэтому приступил к делу. Сложив руки перед собой, он сформировал сверкающий и искрящийся ком энергии. Сжав его в точку, он выстрелил ослепительным лучом, навстречу которому Коул выскочил вперёд Зарево, чтобы защитить его от удара, выставив внешнюю сторону предплечья, чтобы блокировать удар. Луч пронзил руку ящера насквозь, разбивая чешуйки в осколки, и луч превратился в цепочку мелких взрывов, но они остановились, не достигая Коула, и сжались, а потом превратились во вспышку конической формы в обратную сторону, окутав лысого огнём и сажеей. Коул оглянулся - Зарево держал перед собой лапу, мерцавшую маной.

Кот кивнул, и ящер шагнул в сторону. Тогда Зарево достал из сумки шарик. Заставив тот левитировать, он начал заряжать его маной. Шарик замерцал и засветился, а потом со свистом выстрелил в сторону лысого, откашливавшегося и скуля от боли, который побежал в сторону коула, но шарик прошёл ему плечо, попав хоть и поверхностно, но повредив мышцу. Отскочив, он схватился за рану, и между пальцев его руки пошли тёмно-красные полоски крови. Пока тот старался удержать равновесие, Коул сделал резкий рывок вперёд, оставив след копоты на мощёной дороге, сделав подсечку орденцу под несущую ногу, отчего тот шумно грохнулся на спину. Бандюгану спёрло дыхание, и он давился, выпучив глаза. Пока бедолага мучился, Зарево заряжал финиширующий шарик, целя ему ровно в голову. Однако пауза затягивалась. Коул посмотрел на своего друга, увидев его лицо, перекошенное страхом, виной и стрессом. Подойдя к нему, Коул похлопал его по плечу, и шарик упал на землю. Черноглазый вернулся к корчащемуся на камне разбойнику, присел перед ним на колени и сдавил ему горло. Тот начал биться, дрыгать ногами и хвататься за руку Коула, пытаться царапать того ногтями, но лишь оставляя порезы на пальцах. Спустя несколько секунд он ослаб, а затем и вовсе обмяк. Тогда он поднял его голову и одним резким движением хрустнул его шеей. Одновременно с этим из его тела хлынула волна энергии, пропитав и Коула, и Зарево какой-то тёмной энергией. Ящер в недоумении приложил палец к шее покойника, получив почти полное отсутствие пульса. Хлопнув того по целой щеке, он не получил никакой реакции. Обернувшись на Зарево, на чьих щеках уже были следы слёз, он получил в ответ лишь пожатые плечи. Повернувшись обратно к убитому бандиту, он брезгливо скорчил лицо и оторвал у него ухо в качестве доказательства совершённого дела. Отерев его от крови об одежду трупа и проверив карманы на халяву (в самом деле, там был кошелек с неплохой суммой), он обратился обратно в человеческий облик, после чего поднялся и подошёл к Зарево, который всё ещё стоял в замешательстве и с заплаканным лицом. Осторожно подтянув его к себе за спину, он обнял пушистого друга, который уткнулся ему в плечо.

— Всё, всё, ничего страшного, он сам выбрал такую судьбу, — уверял он кота.

Оказывается, всему этому были свидетели: с разными выражениями лиц на них смотрело с полдюжины людей, а остальные проходили, делая вид, что не замечают. Кто-то вздыхал с облегчением, что орденец убит, а кто-то осуждал двоих за убийство.

Отпустив друга, рыжий спрятал кошель в карман, а ухо - в кулак, и другой рукой взял за лапу Зарево, уходя в сторону ремесленного ларька.